

МИЛТОН ФРИДМЕН – УЧЕНЫЙ И ИДЕОЛОГ

Трофимов Г. Ю.

Недавно ушел из жизни Милтон Фридмен – один из наиболее влиятельных экономистов-теоретиков XX в. Он сочетал в себе качества выдающегося ученого и идеолога либерализма. Его многолетняя деятельность в обоих направлениях оказала большое влияние на экономическую политику многих стран. В этом отношении М. Фридмен стоит в одном ряду с Джоном М. Кейнсом, с которым он радикально расходился во взглядах на место государства в экономике. Если Кейнс был главным защитником интервенционизма, то Фридмена можно считать главным апологетом свободного рынка и критиком государственного вмешательства в экономике и других сферах. Перефразируя высказывание самого Фридмена многолетней давности в отношении Кейнса, Роберт Барро недавно провозгласил: «Теперь мы все фридменианцы».

1. Участие в политике

При всем влиянии, оказанном на экономическую политику, Фридмен не так много непосредственно участвовал в ее разработке. В 1941-43 г. он занимался вопросами налоговой политики военного времени, будучи в штате Казначейства США. Трижды он принимал участие в работе команд экономических советников кандидатов в президенты – Б. Голдуотера в 1964 г., Р. Никсона в 1968 г и Р. Рэйгана в 1980 г. Несмотря на множество предложений войти в реальную политику, Фридмен неуклонно предпочитал академическую деятельность. При этом он все-таки считал государственную службу полезной для экономиста-исследователя, но не дольше двух-трех лет. Иначе, по его мнению, жажда участия во властных структурах становится неустраимой, и возврат к академической деятельности оказывается невозможным. Фридмен утверждал, что регулярные выступления в прессе гораздо эффективней влияют на проводимую государством политику по сравнению, например, с дебатами в комитетах конгресса. Его деятельность в качестве «глашатая либерализма» дает яркий пример того, что идеи могут править миром, а в данном случае - радикально его менять. В таком качестве Фридмен с большой эффективностью и долгое время, с 1966 по 1984 г., использовал «колонку экономиста» в журнале «Ньюсуик» (где его коллегой по перу был Пол Самуэльсон).

2. Этапы научного роста

В 1932 г. 20-летний Милтон Фридмен закончил небольшой частный Рутджерский университет по двум специальностям – математика и экономика. Под влиянием преподававшего там Артура Бернса (будущего председателя ФРС) он выбрал профессию экономиста. Он продолжил магистерское образование в Чикагском университете, ставшим основой его профессионального роста и главным местом будущей работы (с 1946 г. и до отставки в 1977 г.). Его экономическое мышление сложилось под влиянием преподававших там ярких экономистов, таких как Ф. Найт, Г. Саймонс, Дж. Винер, Г. Шульц, олицетворявших в то время Чикагскую школу. Там же Фридмен познакомился с Джорджем Стиглером – будущим Нобелевским лауреатом и партнером по лидерству этой школы.

Пласт знаний иного рода Фридмен получил в Колумбийском университете, где доминировало институционально-эмпирическое направление. Там он стажировался по окончании учебы в Чикаго, а затем в разные годы участвовал в исследовательских проектах. Большое значение имело участие в работе группы по математической статистике с такими знаменитостями как Гарольд Хоттеллинг, Уэсли Митчелл и Джон М. Кларк. Все они внесли в свое время весомый вклад в разработку методов статистического анализа экономики.

Благодаря работе в Колумбийском университете Фридмен смог в дальнейшем мастерски применять эти методы. Кроме того, он развивал собственную методологию эмпирического исследования в традициях школы Маршалла (Кейнс тоже следовал данной традиции). Критерием отбора научных гипотез по Фридмену является только эмпирическая проверка. Для оценки той или иной теории важна не столько реалистичность исходных постулатов, сколько возможность проверки выводов и их соответствие фактам. При этом предлагается достаточно мягкое правило отбора: гипотеза отвергается, если она противоречит фактам; принимается, если не противоречит; и принимается со значительным доверием, если неоднократно подтверждается.

По инициативе упомянутого выше А. Бернса, начиная с 1937 г. Фридмен работает в Национальном бюро экономических исследований (НБЭИ) под руководством Саймона Кузнеца (еще один Нобелевский лауреат) над исследованием доходов от частного предпринимательства. Именно в тот период он разрабатывает понятия постоянного и переменного доходов. По этой теме в 1940 г. написана первая монография (совместно с Кузнецом), а в 1946 г. защищена докторская диссертация в Колумбийском университете. В НБЭИ Фридмен также многие годы руководил эмпирическими исследованиями

денежной системы США. Его главное идейное детище – монетаризм вызревало на базе кропотливых 20-летних эмпирико-исторических исследований.

В 1967-70 гг. Фридмен занимал пост президента Американской Экономической Ассоциации. В президентском обращении «Роль монетарной политики», сделанном им при избрании на этот пост, он предсказал неизвестный ранее феномен стагфляции (Friedman, 1968). Его предсказание полностью оправдалось в 70-е годы, что сыграло решающую роль в признании идей монетаризма общественным мнением. В 1970-72 г. Фридмен был президентом общества либеральных экономистов Мон-Пелерин (городок в Швейцарии), организованного еще Ф. Хайеком. Это неформальное объединение способствовало возрождению либеральной экономической мысли в 50-60-е годы на качественно новом уровне.

3. Научный вклад

В 1976 г. Фридмен был удостоен Нобелевской премии «за достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за демонстрацию им сложности стабилизационной политики». В соответствии с данной формулировкой можно выделить (в порядке приоритета) четыре направления, сделавшие его вклад в науку неоспоримым.

Гипотеза перманентного дохода. В кейнсианской теории ключевую роль играет потребительская функция, связывающая расходы на потребление с текущим доходом домохозяйств. В монографии 1957 г. «Теория потребительской функции» Фридмен показал, что доход имеет две компоненты – перманентную и преходящую (Friedman, 1957). Склонность к потреблению для второй компоненты равна нулю, то есть текущие всплески доходов не влияют на решения о расходах. Уровень потребления домохозяйств определяется в основном перманентным доходом, относящимся к временному горизонту за рамками текущего периода. Длительность такого горизонта может варьировать от страны к стране и для разных исторических эпох. Так, по оценкам Фридмена, для типичного американского домохозяйства начала XX в. горизонт ожиданий перманентного дохода составлял всего 3 года.

Из положения о решающем значении перманентного дохода следует вывод, что стимулирующие меры фискальной политики не могут быть эффективными. Воздействия изменений налогов или бюджетных расходов на текущий совокупный спрос очень слабы. Более детальные исследования, появившиеся вслед за после публикацией книги Фридмена показали, что преходящий доход все-таки влияет на расходы, правда значительно слабее перманентного. Но это не столь существенно: результат Фридмена

«выбил» ключевое звено в теоретической конструкции кейнсианства. Бесспорно, что в научном плане его теория потребления является безупречной.

Заметим, что текущая макроэкономическая ситуация в России дает своеобразное подтверждение этой теории. Лавинообразный рост розничного кредитования на протяжении последних четырех лет объясняется не только и не столько оптимизмом домохозяйств из-за увеличения доходов. По ряду причин расширились их горизонты принятия решений, а банковская система вместе с сектором розничной торговли использовали такое изменение в своих интересах. В происходящем буме розничного кредитования отражается качественный переход домохозяйств от преимущественно «кейнсианской» модели потребительского поведения к «фридменианской» модели, основанной на постоянном доходе.

Монетарная история Соединенных Штатов. В фундаментальной работе под этим названием, написанной совместно с Анной Шварц (Friedman, Schwartz, 1963), впервые дан взгляд на экономическую историю нации, систематизированный под углом монетарных процессов. В книге собран и обобщен обширный статистический материал по истории денежного обращения США за почти столетний период 1867-1960. Эта работа, с одной стороны, резюмирует эмпирические исследования денег, начатые Фридменом еще в 30-е годы, а с другой, объясняет макроэкономическое колебание на основе монетаристской теории. Последняя достаточно хорошо согласуется с данными для периода, предшествующего Великой Депрессии. Объясняя ее причины в седьмой главе книги, Фридмен и Шварц показывают, что виной всему была ошибочная монетарная политика и несовершенство существовавшей системы денежного предложения. Несмотря на чрезвычайно низкий уровень процентной ставки, монетарная власть не смогла противостоять денежному сжатию в 1929-1933. Объем денежной массы сократился за этот период на одну треть, что и стало причиной дефляции и обвального падения производства. Этот вывод книги актуален в контексте недавнего прошлого американской экономики: подобного хода событий удалось избежать пять лет назад лишь благодаря мощной денежной и фискальной экспансии.

Влияние денег на макроэкономическую динамику. Основным содержательным результатом исторического анализа денежного обращения можно считать не только подтверждение влияния денег на инфляцию (эта связь была известна задолго до Фридмена), сколько выявление роли денег в экономическом цикле. Фридмену удалось уловить закономерности, показывающие, что колебания денежной массы опережают циклические сдвиги макроэкономических показателей с лагом в несколько кварталов. Фридмен придавал особое значение запаздываниям последствий монетарной политики.

Как оказалось, поворотные точки в динамике денежной массы регулярно предшествовали поворотным точкам американского делового цикла, опережая высшие точки в среднем на 16 месяцев, а низшие – на 12 месяцев.¹ Важно, что длина лагов неустойчива и сильно варьирует от цикла к циклу (Friedman, 1961). Исходя из этого, Фридмен сделал вывод о принципиальной непредсказуемости реальных последствий стабилизационных мер. В первую очередь этот вывод касался недопустимости использования денежно-кредитной политики для антициклического регулирования, которое очень часто давало дестабилизирующий эффект.

В связи с полемикой с кейнсианцами важен был другой вопрос – об относительной значимости монетарных и фискальных мер. Фридмен совместно с Дэвидом Майзелем (Friedman, Meiselman, 1963) показал, что первые существенно сильнее влияют на совокупные потребительские расходы, чем вторые. При этом сопоставлялись эффекты предложения денег и автономных (инвестиционных) государственных расходов. Дальнейшие исследования, охватывающие более широкий круг показателей, подтвердили вывод о доминирующем значении монетарной политики.

Анализ связи инфляции и безработицы. В середине 50-х годов главным козырем кейнсианцев стала кривая Филлипса, выражающая отрицательную связь безработицы и инфляции. Для активистской политики спроса она означала возможность компромиссного выбора между тем и другим. Однако с переходом развитых стран к открытому инфляционизму во второй половине 60-х годов, данная связь потеряла устойчивость. В 70-е годы кривая Филлипса начала сдвигаться вверх, и ее практическое использование потеряло смысл. Но за несколько лет до этого в 1968 г. Фридмен выступил с критикой кривой Филлипса, показав, что временный положительный эффект на занятость могут дать лишь инфляционные «сюрпризы» (Friedman, 1968). Применение их в систематическом режиме генерирует инфляционные ожидания, из-за которых безработица и инфляция начинают расти одновременно. Именно это и происходило с конца 60-х годов в развитых странах, переживших стагфляцию 70-х. Те же соображения годом ранее, в 1967 г., сформулировал Эдмунд Фелпс, ставший недавно Нобелевским лауреатом. Фридмен и Фелпс, таким образом, показали, что компромисса между инфляцией и безработицей не существует, а безработица не может опускаться ниже естественного уровня без усиления инфляции.

¹ В более поздних работах Фридмен отмечал, что лаг между изменением денежной массы и номинального ВВП составляет в среднем 6 месяцев для высших точек и 3 месяца для низших.

4. Количественная теория денег

С научной точки зрения монетаризм является обновленным вариантом количественной теории денег. Она основана на тавтологическом, на первый взгляд, утверждении, что номинальный конечный продукт экономики равен произведению денежной массы и скорости денежного обращения. Тавтология заключается в том, что эта скорость по определению является отношением номинального продукта к денежной массе. Однако количественная теория денег тавтологией не является. Ее суть в том, что скорость обращения отражает потребность экономики в деньгах, и определяется множеством институциональных факторов, в первую очередь, структурными особенностями платежной системы. В таком понимании равенство количественной теории является не тождеством, а условием равновесия на денежном рынке. Оно отражает взаимосвязь денег и номинального выпуска, проявляющуюся особенно наглядно на длительных исторических периодах. Поэтому многие великие экономисты прошлого (среди них Дэвид Юм, Альфред Маршалл, Ирвинг Фишер, Артур Пигу) отстаивали количественную теорию.

Ключевое понятие варианта количественной теории Фридмана – спрос на деньги в реальном выражении, понимаемый по аналогии со спросом на любые товары или активы (Friedman, 1956). В стандартном виде спрос на деньги положительно зависит от перманентного дохода и отрицательно – от альтернативных издержек хранения денег, то есть процента. Фридмен предполагал, что функция спроса на деньги стабильна во времени, причем эластичность по проценту невелика, а по доходу близка к единице. Поскольку доход является перманентным, то спрос на деньги слабо чувствителен к текущим изменениям денежной массы, уровня цен или номинального ВВП. Данные свойства очень близки предположению традиционной количественной теории об относительном постоянстве скорости денежного обращения (Friedman, Meiselman, 1963). Фридмен подтверждал их эмпирически и использовал в качестве основного аргумента в полемике с идейными противниками - кейнсианцами.

Меры фискальной политики не могут влиять на перманентный доход, то есть кейнсианский эффект мультипликатора на самом деле бездействует. Таким же слабым, по Фридмену, является передаточный механизм влияния процентной ставки на ликвидность. Фискальная экспансия, приводящая к росту процента, может вести к вытеснению инвестиций, но слабо отражается на спросе на деньги, а значит и совокупном спросе. Отсюда следует, что фискальная политика не играет той роли, которую ее приписывали Кейнс и его сторонники. В то же время пренебрежение

эффектами монетарной политики чревато инфляционными последствиями, в полном соответствии с количественной теорией денег.

Именно на ее основе Фридмен сформулировал свое знаменитое положение, ставшее любимой мантрой некоторых российских монетаристов: «Инфляция всегда и везде монетарный феномен». Никакой другой теоретической опоры, кроме количественной теории у монетарного взгляда на инфляцию не имеется.²

5. Оптимальное количество денег

Стоит упомянуть парадоксальную, на первый взгляд, идею Фридмена об оптимальном объеме денег в обращении. После публикации в 1969 г. его сборника статей «Оптимальное количество денег и другие эссе» (Friedman, 1969) она получила название «правила Фридмена». Согласно ему, для достижения оптимального количества денег в экономике, необходимо обеспечить нулевую процентную ставку на любые безрисковые активы. При положительном реальном проценте это означает перманентную дефляцию. В таком случае рост реальной денежной массы происходит за счет постоянного снижения уровня цен. При одном воспоминании о дефляционном кошмаре времен Великой Депрессии подобная рекомендация выглядит, мягко говоря, странно. Тем не менее, сформулированное Фридменом правило оказало стимулирующее воздействие на монетарную теорию.

Предложенная им аргументация очень проста. Предельные издержки предложения бумажных денег практически равны нулю. В состоянии оптимума их предложение должно быть таким, чтобы предельный общественный выигрыш также был нулевым. В состоянии равновесия, где выбор делается домохозяйствами, ситуация иная. Предельные альтернативные издержки от хранения денег, не приносящих процента, равны номинальной процентной ставке. При этом предельный выигрыш домохозяйств равен предельным издержкам, из-за чего их потребление искусственно ограничено реальными денежными остатками (а не располагаемыми доходами). Такое состояние равновесия неоптимально при положительной процентной ставке, но оптимально при нулевой.

Данный вывод вытекает из применения стандартного условия Парето-оптимальности к специфическому активу – деньгам. Специфика в данном случае в том,

² Следует отметить, что сам Фридмен не родился монетаристом. В статье 1948 г. (Friedman, 1948) он предлагал, чтобы правительство финансировало бюджетные дефициты эмиссией денег и использовало бюджетные профициты для денежного сжатия. По мысли Фридмена, подобное антициклическое регулирование денежной массы стабилизировало бы экономику при том условии, что меры фискальной политики обеспечивали полную занятость. У его поклонников от подобного утверждения волосы на голове должны встать дыбом!

что из-за необходимости их использования в качестве средства трансакций сужаются возможности выбора домохозяйств. Однако нулевая процентная ставка по альтернативным активам позволяет устранить такое положение. Домохозяйствам становится все равно, куда вкладывать сбережения: в активы или денежные остатки, и их потребительский выбор не ограничен ликвидными средствами.

Есть и другой способ обеспечить оптимальный уровень денежного предложения в экономике. Выравнивание предельных издержек и выигрыша от хранения денег обеспечивалось бы начислением процента на денежные остатки. Эту идею обосновал Джордж Толлей в статье 1957 г. (Tolley, 1957; Фридмен впервые привел некоторые аргументы по этому поводу в монографии 1960 г. «Программа денежно-кредитной стабильности»). Для налично-денежного обращения второй вариант невозможен в принципе, но в системе частных денег, например, в форме чеков или кредитных карт, выплата процента по денежным остаткам вполне возможна. Однако полный переход к такой системе где бы то ни было означал бы отказ государства от важнейшего рычага власти и представляется маловероятным.

Правило Фридмена, не внесло ничего нового для практики, однако сыграло важную роль в развитии монетарной теории. Помимо стимулирования исследовательской активности, оно продемонстрировало принципиальную ограниченность формального аппарата макроэкономики. Стандартные условия оптимальности, используемые для экономики с «аукционистом», не вполне адекватны экономике с трансакционными издержками и денежными инструментами обмена (не говоря уже, что учет потерь от дефляции дает другие выводы). Практическая непригодность правила Фридмена отразила слабые стороны очень упрощенного подхода к моделированию денег как средства трансакций на основе включения реальных денежных остатков в функцию полезности домохозяйств.

6. Монетаризм как доктрина

Когда упоминают монетаризм Фридмена, обычно имеют в виду доктрину экономической политики, сформированную к середине 50-х годов. Моментом ее рождения считается выход в 1956 г. коллективной монографии «Исследования по количественной теории денег» под редакцией и со статьей Фридмена (Friedman, 1956). Хотя сам термин «монетаризм» ввел в обиход Карл Браннер в 1968 г.³ (Brunner K., 1968), представляющий (вместе с Аланом Мелтцером) конкурирующую ветвь данной школы.

³ Термин оказался очень удачным фирменным брэндом. Насколько лаконично и ярко звучит слово «монетарист» по сравнению с прозаичным и нудным оборотом «сторонник количественной теории денег»!

Общеизвестны три положения, характеризующие концепцию Фридмена как доктрину макроэкономической политики. а) «Деньги имеют значение» – изменения денежной массы оказывают существенные эффекты на экономику. б) Размер денежного предложения управляем, и именно он должен быть основным объектом монетарной политики. в) Последняя должна следовать стабильным правилам, причем наилучшим режимом является рост денежной массы с постоянным темпом.

Рассмотрим эти положения по порядку. Утверждение, что «деньги имеют значение» можно считать главным результатом эмпирических исследований Фридмена. Ключевой вывод состоит в том, что денежная масса определяет совокупные расходы и номинальный ВВП. Чем длиннее период, тем сильнее эффект на уровень цен и слабее – на реальные переменные. Существует и обратная связь макроэкономических переменных на денежную массу, но Фридмен уделял ей не так много внимания.

Что касается управляемости денежного предложения, то, по Фридмену, это вовсе не означает полного контроля. Его объем зависит, помимо денежной базы, от двух соотношений: резервов к депозитам и депозитов к наличности. Они определяются (помимо резервных требований) поведением банков и других участников финансовых рынков. Тем не менее, Фридмен полагал, что рыночными методами можно обеспечить тонкую настройку денежной массы. Свой подход он обосновал в упомянутой выше знаменитой монографии «Программа денежно-кредитной стабильности», изданной в 1960 г (Friedman, 1960). Он показал, что для эффективного управления денежной массой вполне достаточно лишь одного инструмента – операций на открытом рынке. Этому инструменту присущи гибкость и минимум побочных эффектов на денежный рынок, что позволяет минимизировать отклонение предложения денег от целевого уровня. Фридмен скептически оценивал возможности дисконтных операций и изменения резервных требований (они лишь снижают управляемость денежной массой) и отвергал административные рычаги (контроль над депозитными процентами и потребительскими кредитами, маржинальные требования). Если в оценке рыночных инструментов Фридмен был прав, то это плохая новость для нынешних монетарных властей России, на многие годы ограничивших себя в их использовании.

Наконец, идея стабильного темпа роста денежного предложения основана на том, что эффект изменений монетарной политики непредсказуем из-за проблемы запаздываний. В этом одно из важных отличий монетаризма Фридмена от других школ количественной теории денег. Он считал, что из-за непредсказуемости и асинхронности последствий активистской монетарной политики, ее использование для сглаживания циклических колебаний дает противоположный результат. По этой причине Фридмен

рекомендовал простое правило, гарантирующее, по его мнению, стабильность уровня цен. Необходимо наращивание денежной массы с постоянным темпом 3-4% в год, в соответствии с долговременным темпом роста ВВП.

На самом деле эта идея была не нова. За 10 лет до Фридмена она была сформулирована Кларком Уорбертоном. Он предлагал увеличивать денежное предложение на 5% в год, исходя из темпа роста ВВП 3.6% и увеличения денежного спроса на 1.3% (Селден, 1981). Но тогда (в середине 40-х) этот призыв остался без особого внимания, так как доминировала кейнсианская доктрина с приоритетом фискальной политики. Доводы Фридмена прозвучали в более подходящее время, и поэтому идея управляемого стабильного роста денежной массы все-таки была испытана Федеральным Резервом.

7. Практические результаты

Когда дело касалось прогнозов, Фридмену сопутствовала удача. Кроме блестящего предсказания стагфляции, данного в 1968 г. и сбывшегося через несколько лет, можно привести еще несколько примеров. В апреле 1966 г. произошло резкое замедление роста денежной массы. Фридмен в своем комментарии в «Ньюсуик» предсказал экономический спад на 1967 г., если в ближайшее время не возобновится нормальный рост денежного предложения. Его идейные противники – кейнсианцы не видели для этого причин, поскольку отрицали значение монетарной политики. Фридмен оказался прав: спад, хотя и не очень сильный, действительно произошел в первом полугодии 1967 г. В следующем году провалилась попытка побороть инфляцию повышением налогов, что также было предсказано Фридменом и его сторонниками. Еще через год ФРС все-таки пошел на резкое ужесточение монетарной политики. В полном соответствии с прогнозами монетаристов это опять привело к спаду, но поначалу не сказалось на инфляции. Когда же эффект возымел место, ФРС вновь пошел на ослабление политики ради поддержания занятости, но ничего не добился. В итоге, в борьбе на два фронта (с инфляцией и безработицей) этот орган проявил полную беспомощность, а Милтон Фридмен оказался пророком.

Период на стыке 60-х и 70-х считается самым неудачным в послевоенной истории Федрезерва. Именно тогда рухнула Бреттон-Вудская система, во многом из-за инфляционных действий ФРС. По иронии судьбы его главой был в те годы тот самый А. Бернс, который направил молодого Фридмена на экономическую стезю.⁴

⁴ Возможно, от безысходности Бернс вместе с министром финансов Коннелли уговорил президента Никсона ввести регулирование доходов и цен. Разумеется, эта попытка ничего хорошего не дала и была отменена

Что же касается попытки реализации монетаристской доктрины, то, в отличие от предсказаний цикла, ее трудно назвать успешной. Сдвиг политики ФРС произошел 6 октября 1979 г. уже при новом главе – Поле Волкере. Вместо ставки по федеральным фондам целевыми показателями стали денежные агрегаты M1 и M2, а основным инструментом – незаемные банковские резервы. Механизм таргетирования заключался в установлении ежемесячных заданий по денежным агрегатам, а для достижения промежуточных целей по незаемным резервам банки рефинансировались через операции на открытом рынке.

Ровно через 3 года, 5 октября 1982 г. эксперимент завершился по причине фиаско и отказа ФРС от его продолжения. Результаты следующие: резкий рост уровня и волатильности процентных ставок и еще более резкий – троекратный, согласно оценке Фридмена, – рост волатильности денежной массы. Целевые задания для денежного предложения, устанавливавшиеся каждый месяц, ни разу не были достигнуты. Для американской экономики монетарный опыт оказался шоковым из-за скачка процента и резкого усиления волатильности реальных показателей.

Наиболее очевидное объяснение провала заключается в неуправляемости денежной массы. Одной из причин этого часто называли многочисленные финансовые инновации⁵, появившиеся в те годы из-за бурного развития денежного рынка вследствие финансового дерегулирования. Динамику новых инструментов трудно было предсказать, хотя их «вклад» в неразбериху тех лет был не так уж велик (Pierce, 1984). Сам же Фридмен обвинил ФРС в использовании излишне широких денежных агрегатов, включавших инструменты с процентным доходом, и не отвечавших его пониманию денег как средства транзакций (в его с Анной Шварц определении это были не M1 и M2, а M3 и M4, соответственно)⁶. Однако ключевым фактором неуправляемости денежного предложения было несовершенство операционной процедуры управления банковскими резервами, которую использовал Отдел Открытого Рынка (Нью-Йоркского резервного

сразу после переизбрания Никсона на второй срок. Любопытно, что в 1974 г. и сам Фридмен высказывался за такую неортодоксальную меру, как индексирование доходов для смягчения антиинфляционной политики (Friedman, 1974); впрочем, он не проявил особой настойчивости в пропаганде этой идеи.

⁵ Например, приносящие процент счета по сделкам, такие как чековые процентные счета (sweep accounts), квазичеки в обращении (NOW), а также соглашения РЕПО и автоматические переводы на текущий счет (ATS). Доля подобных инструментов в M1 выросла за три года с 4% до 21 % (Pierce, 1984, p. 395).

⁶ Монетаристы сталкиваются со следующей дилеммой. Денежные агрегаты неуправляемы, но если они все же используются для проведения транзакций, то именно они должны быть объектом политики, выстраивающейся по принципам количественной теории. С другой стороны, денежная база или резервные деньги, хотя более управляемы, но покрывают только часть транзакций в экономике. Контроль только над этими видами денег не обеспечивал бы в полной мере желаемого воздействия на инфляцию. Сам Фридмен подчеркивал очень низкую корреляцию разных денежных агрегатов: для M1 и M3 она составила за период эксперимента 1979-82 всего 0.17 (Friedman, 1984, p. 398). А это означает, что, если все-таки компоненты M3 прямо или косвенно участвуют в транзакциях, то для контроля над инфляцией недостаточно таргетирования M1 и тем более денежной базы.

банка).⁷ На самом деле, даже банковские резервы оказались неподконтрольны Федрезерву (Bordo & Schwartz, 1999, Pierce, 1984).

Комментируя итоги эксперимента, Фридмен заявлял, что это была в чистом виде «антимонетаристская политика» (допущен избыточный рост денежной массы⁸ с беспрецедентной волатильностью; текущие решения принимались по усмотрению и непоследовательно; начало эксперимента стало сюрпризом для широкой публики, а потому проблема недостатка доверия не была снята). Но главный его вывод оказался предсказуемо оптимистичен: монетарная теория очередной раз подтвердилась, причем с гораздо большей точностью, чем за все предшествующие десятилетия наблюдений! Это было действительно так – связь денег и номинального ВВП с лагом в один квартал оказалась за период с октября 1979 по октябрь 1982 заметно теснее, чем раньше. Сам Фридмен объяснил данный факт тем, что из-за возросшей волатильности «вклад» денежной массы в дисперсию номинального ВВП доминировал над другими объясняющими показателями (Friedman, 1984).

Ясно также, что с учетом общей макроэкономической ситуации в США в условиях Рейганомии шансов на успех не могло быть в принципе. Эксперимент начался очень не вовремя, так как попытка обуздать инфляцию наложилась на невиданную фискальную экспансию в форме снижения налогов при росте бюджетных расходов и госдолга. Из-за эффекта вытеснения производственных инвестиций продолжение жесткой антиинфляционной политики могло иметь очень тяжелые последствия для американской экономики (В России в середине 90-х ситуация оказалась в чем-то похожей, в смысле коллизии монетарной и фискальной политик, что и стало первопричиной кризиса 1998 г.).

Но все-таки, при всех минусах, ужесточение денежной политики, начавшееся в ходе монетаристского эксперимента, принесло ощутимые плоды. К 1983 г. инфляция в США снизилась до 4%, по сравнению с 11.6 % в 1979 г. Инфляционный режим был частично сломлен, хотя, конечно, слишком высокой ценой. Позитивным результатом можно также считать пересмотр монетаристами своих рекомендаций, например, отказ от правила постоянного роста денежного предложения Уорбертона-Фридмена.

⁷ Непосредственным объектом управления были незаемные резервы банков, которые оказалось не так легко учесть в оперативном режиме. Из-за двухнедельного лага в начислении обязательных резервов по депозитам, приходилось ориентироваться на заемные резервы, неподконтрольные напрямую ФРС. Их динамика была практически непредсказуемой (когда программным разработчикам в Отделе Открытого Рынка надоели постоянные ошибки в оценках заемных резервов, они просто приняли гипотезу случайного блуждания). В такой ситуации операции на открытом рынке, нацеленные на стабилизацию незаемных резервов, возымели прямо противоположный эффект.

⁸ Рост M1 в эти три года был на самом деле ниже чем в 1977-78 гг., но выше чем в предшествующем двадцатилетии.

Аргументы в его основе были слишком «эвристические», а само оно – слишком однозначное, чтобы монетарная власть могла на него полагаться. Стало также очевидно, что денежные агрегаты не могут быть ни целью, ни инструментом денежно-кредитной политики. В лагере монетаристов начался поиск новых идей, который, так или иначе, продолжается по сей день.

8. Идеолог либерализма

Милтон Фридмен был одним из наиболее последовательных противников государственного вмешательства. На таких позициях он стоял еще тогда, когда они вызывали недоумение и насмешки со стороны многих интеллектуалов; но в конечном итоге идейная победа была за ним. В своих мемуарах Роберт Барро отмечает, что «из парии он стал жрецом», и что он «имел достаточно хорошее чувство юмора и уверенности в себе, чтобы многие годы сохранять упорство, несмотря на презрение со стороны экономистов и журналистов левого толка» (Барро, 2002). В развороте мировой экономической мысли и экономической политики на 180 градусов, произошедшем в 80-е годы, есть огромная заслуга Милтона Фридмена. Пол Кругман не без иронии, но с чувством пафоса сравнил его с «яростным консервативным Давидом, борющимся с Голиафом Большого Государства» (Krugman, 1994).

Две книги Фридмена являются квинтэссенцией современной либеральной идеологии. Это «Капитализм и Свобода» и «Free to Choose», написанная совместно с женой, Розой Фридмен. Первое время после выхода в 1962 г., «Капитализм и Свобода» просто-напросто игнорировалась научным сообществом (вспоминается пресловутый «заговор молчания» против «Капитала» Карла Маркса). Но к началу 80-х тираж книги достиг полумиллиона экземпляров, и она продолжала переиздаваться во многих странах. Помимо проповеди экономической свободы она содержит ряд реформаторских идей, которых мы коснемся чуть ниже.

Хотя научная деятельность Фридмена в основном была связана с монетарной сферой и макроэкономикой, он успешно занимался другими проблемами, такими как мирохозяйственное устройство. Еще на стадии создания Бреттон-Вудской системы Фридмен категорически выступал против фиксации обменных курсов. За 20 лет до краха золотого стандарта в 1971 г., он предсказал неизбежность перехода к плавающим валютным курсам. Следуя логике либерализма, Фридмен не видел смысла в помощи слаборазвитым странам, которая не решает проблемы, но усугубляет отсталость. При кажущейся жесткости, эта точка зрения набирает сейчас все больше сторонников. Фридмен негативно относился к международным финансовым организациям, созданным

после войны. По его мнению, МВФ, как и любая бюрократическая структура, живет по собственным законам и приносит больше вреда, чем пользы.

Примечательно, что по аналогичным соображениям Фридмен в 1974 г. выступил за закрытие упомянутого выше общества либеральных экономистов Мон-Пелерин. Несмотря на свою ключевую роль в этом обществе, Фридмен понял, что оно уже выполнило свою миссию по координации усилий таких экономистов в разных странах, и продолжает существовать лишь само для себя. Наверное, он был прав, поскольку коллеги по Мон-Пелерин отказались следовать его предложению.

Фридмен сформулировал ряд предложений по широкому кругу вопросов общественной жизни (часть из них можно найти в книге «Капитализм и Свобода»). Это, например, введение плоского подоходного налога, образовательные ваучеры, добровольная армия на контрактной основе, легализация наркотиков. Он предложил реформу социальной системы на основе отрицательного подоходного налога (субсидирования бедных семей), а также приватизацию системы пенсионного обеспечения. Многие из этих идей уже воплощены в США и других странах. Некоторые – реформа социальной и пенсионной системы – находятся в длительном процессе реализации. Третьи, такие как введение плоского подоходного налога и легализация наркотиков, стоят на повестке дня.

Следует также отметить, что, будучи последовательным либералом, Фридмен не отвергал роль государства там, где оно действительно необходимо. Эту мысль он не в последнюю очередь относил к проведению рыночных реформ и институциональных преобразований, в частности, в финансовой сфере.

* * *

Четверть века назад для развитых стран закончилась эра Большой Инфляции, датируемая 1965-1980 годами. Следует отметить, что в этот период рост цен в капиталистических Соединенных Штатах дважды зашкаливал за 10%-ный уровень (в 1974 и 1979 г.). В социалистическом (на тот период) Соединенном Королевстве инфляция достигла невообразимого уровня 25% (в 1974 г.). Окончание Большой Инфляции приходится как раз на начало монетарного эксперимента в США. Поэтому его неудачу можно считать временной – это был лишь первый этап длительного периода монетарной стабилизации в глобальном масштабе.

В этом, пожалуй, самый важный практический результат деятельности Милтона Фридмена как экономического мыслителя. Произошел сдвиг приоритетов; среди теоретиков и практиков широко распространилось понимание важности стабильных

правил политики – не в смысле цифр или формул, а в смысле верности экономического руководства своим конечным задачам. Для монетарных властей это, в первую очередь, стабильный уровень цен или минимальная инфляция. Возможно, когда-нибудь сбудется мечта всех настоящих монетаристов, лидером которых был Милтон Фридмен, о создании аналога классического золотого стандарта в денежной системе без золота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Селден Р. (1981): «Монетаризм» // Сб.: Современная экономическая мысль, с. 365-397. Москва: Прогресс.
- Barro R., 2002, *Nothing is Sacred*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Bordo M., Schwartz A. (1999): “Monetary Policy Regimes and Economic Performance: the Historical Record” // in: *Handbook of Macroeconomics*, Vol. 1A. Amsterdam: Elsevier.
- Brunner K. (1968): “The role of money and monetary policy” // *Federal Reserve Bank of St Louis Review*, Vol. 50, July, pp. 8-24.
- Friedman M. (1948): “A Monetary and Fiscal Framework for Economic Stability” // *The American Economic Review*, Vol. 38, No. 3, pp. 256-264.
- Friedman M. (1956): “The Quantity Theory of Money – a Restatement”, in: *Studies in the Quantity Theory of Money*, ed. M. Friedman. Chicago: University of Chicago Press.
- Friedman M. (1957): *A Theory of Consumption Function*. Princeton: Princeton University Press.
- Friedman M. (1960): *A Program for Monetary Stability*. New York: Fordham University Press; Русский перевод: «Основы монетаризма», М. ТЕИС, 2002.
- Friedman M. (1961): “The Lag in Effect of Monetary Policy” // *Journal of Political Economy*, Vol. 69, No.5, pp. 447-466.
- Friedman M., Schwartz A. (1963): *A Monetary History of the United States, 1867-1960*. Princeton: Princeton University Press.
- Friedman M., Meiselman D. (1963): *The Relative Stability of Monetary Velocity and Investment Multiplier in United States, 1897-1958*. // *Commission on Money and Credit Stabilization Policies*.
- Friedman M. (1968): “The Role of Monetary Policy” // *The American Economic Review*, Vol. 58, No. 1, pp.1-17.
- Friedman M. (1969): *The Optimum Quantity of Money and Other Essays*. Chicago: Aldine.

- Friedman M. (1974): Monetary Correction: A Proposal for Escalator Clauses to Reduce the Costs and Ending Inflation. London: Institute of Economic Affairs.
- Friedman (1984): "Lessons from the 1979-82 Monetary Policy Experiment" // *The American Economic Review*, Vol. 74, No. 2, pp. 397-400.
- Krugman (1994): *Peddling Prosperity*, New York-London: W.W. Norton & Company.
- Pierce J. (1984): Did Financial Innovation Hurt the Great Monetarist Experiment? // *The American Economic Review*, Vol. 74, No. 2, pp. 392-396.
- Tolley G. (1956): Providing for Growth of the Money Supply // *Journal of Political Economy*, Vol. 65, pp. 465-485.